
И Испуганному сердцу невдомёк,
Что всё уже сбылось, и невозвратно,
И по любой из тысячи дорог
Возможно вновь пройти тысячекратно.

Уже нельзя вернуть небытию
Неосторожный плеск воды о камни,
И ветер, проводящий по жнивью
Невидимыми тёплыми руками,

И лёгкий свет, затепленный в душе,
Когда в короткий час прозрений тайных
Вином тоски в серебряном ковше
Обносит ночь гостей своих случайных...

Но говорим-то мы не с ангелами,
А с воздухом, где трепет крыл
Ещё не стих – и разве сами мы,
Те, кто пока не позабыл

Пыльцу, со звоном облетающую,
Мерцающую на листьях, –
Не плачем в наших обиталищах,
Где глухота – извечный страх,

Вернее, страж? И что ж мы выведали,
Глаза восторженно закрыв,
Когда за вдохновенье выдали
Гул воздуха, где трепет крыл

Уже стихает, но, истаивая,
Смущает слух ещё сильней?
Какая странная история.
Как страшно говорить о ней.

Михаилу Стригину

О, я угадаю, наверно, не скоро,
Какими судьбами мы в небе носимы...
Высокие амфоры зноя морского
Везёт караван через душные зимы.

Сломать бы сургуч, приложиться губами
К шершавому горлышку с привкусом
глины!

Но волны, что прежде несли и купали,
Беззвучно уходят в ночные долины,

И амфора, ахнув, ложится на камень
Тяжёлым, округлым коричневым боком –
И влажно блестит в полутьме черепками,
Как частыми звёздами в небе глубоком.

И жажда моя неутешна отныне,
И сколь ни мечтаю забыть – бесполезно,
Как ветер качает мосты навесные –
Пути караванов сквозь гулкие бездны.

Была весна, из первых, неприкаянных,
Покуда незнакома, но светла.
Земля зазеленела на проталинах
И в воздухе над ними зацвела.

Как будто колокольчик вверх подбросили,
Высоким звоном сердце обожгли –
И из семян, раскиданных по осени,
Леса полупрозрачные взошли...

Но ступишь в их зелёную распутицу,
Где мята, зверобой и череда, –
Случится жизнь, и больше не забудется,
Как прежняя забылась навсегда.

Мне было пять. Небесною громадою
Стоял весенний день передо мной,
И мне казалось – я лечу и падаю
В прохладный золотисто-рыжий зной.

Светлела просыхающая улочка,
Чернел, освобождаясь, палисад...
И ни следа младенческого ужаса,
Бессмысленно зовущего назад.

Мне было пять. Над буквами и числами
Ещё довлели крепкие замки.
Но ясно было всё, чему учиться мне
И чем душе спастись от тоски.

Человек человеку – такая печаль
Неизбывная, Господи!
По лукавым речам, пересохшим ручьям,
По мерцанию в голосе

Приближаемся к небу, где всё на просвет –
Даже горы и крепости.
Человек человеку... Печальнее нет
Сей невидимый крест нести.

Занимается сердце: боли, но вмещай
Всё, чем жили – да бросили...
Человек человеку такая печаль
Неизбежная, Господи!

Невозможная, Господи! Всюду темно –
А иду как с лампадою.
Что мне в этой пресветлой печали дано,
Коль иду, а не падаю?

Декабрь пошёл на свой короткий взлёт,
А снега сыпануло как-то скупое...
Невнятно торопили Новый год,
Листали вперемешку гороскопы,

По городу катились, словно ком,
Рекламы, распродажи, мегаскидки,
И непрерывно пел аэродром,
Протяжный гул вытягивая в нитки.

Но гнулся до земли стальной ковыль –
Откуда в высоте такая сила?
И самолётик ветром боковым
На чёрный лес, как бабочку, сносило.

И стали бесконечно далеки
Грядущий праздник, шум забот
вчерашний...
Всё остальное, кроме «долети!»,
Увиделось бессмысленным и страшным,

Пластмассовым, пропитанным насквозь
Китайской краской с ароматом яда...
Но дотянули крылья до полос.
И дотянул декабрь до снегопада,

И выпрямились мачты, и легла
На лес и дол, на жилы из бетона
Прозрачная, спасительная мгла.
И в Новый год все вместе были дома.

Горел камин, в шампанском пузырьки
Толпились, глубоко дышала ёлка.
И неприметный шёпот: «долети...»
В закрытое окно стучался долго.

Уже ты бредишь волею морской,
Уже горит лицо в солёных брызгах –
Но ты ещё не встретился с тоской,
Блуждающей в холмах фанаторийских.

В зелёной виноградной тесноте
Потянется рука за спелой гроздью –
И по одной пронзительной черте
Ты угадаешь молодую гостью.

Но ваши взгляды встретятся на миг,
Чтоб никогда потом не пересечься.
И вскроется таинственный родник
В твоём уже почти уснувшем сердце.

В пустыне моря на колени пав,
В пустыню неба опрокинув зренье,
Ты будешь умолять пустыню трав
Вернуть тебе её – или забвеньё.

И время над твоею головой
Расступится – и значит, ты живой,
Бессмертный и единственный – пока
С тобой фанаторийская тоска.

Всё рассеется, выгорит, сгинет,
Вмёрзнет намертво в каменный лёд –
А она только голову вскинет,
Улыбнётся – и мимо пройдёт.

На разбитые взрывами плиты,
На кровавую крошку стекла
Молча падают, словно убиты,
Те, кого она не позвала.

Кто она? Что за блажь, в самом деле,
Молча бредить о ней по ночам
В белоснежной больничной постели,
Словно в лодке, забывшей причал?

Не её ли стихи и молитвы
До рожденья ты знал, как свои?
Паутины забвения липки,
Но опомнись, очнись, позови –

И она обернётся. И, взглядом
Оплавляя нетающий лёд,
На мгновенье задержится рядом,
Улыбнётся – и мимо пройдёт.

СТРЕЛОЛИСТ

Над теченьем илистым и мглистым
Белый пар пронизан стрелолистом –
Натянулся звонкой тетивой
Берег под водою и травой.

И дрожит невыразимой мукой
Лёгкий воздух над крутой излучкой –
Словно бы смертельная струна
Из последних сил напряжена.

И, гремя пустыми колчанами,
Чёрный миг уже стоит за нами.
Только обернёшься – за спиной
Гул идёт небесный ледяной.

Страшно по степи ходить дозором,
Счёт забыв своим печальным зорям,
Чувствуя, как дышит пустота
Прямо от дорожного креста.

Тетива звенит невыносимо,
Чёрный перемешивая с синим,
Словно на разрыв и на излом
Пробуя небесный окоём.

Сколь прочна таинственная жила
И крепка излука, где из ила,
Выйдя на дозорную версту,
Стрелоллисты целят в высоту?

Огонь неизбежного ада
Неведомой клятвой заклят:
Сквозь влажную ткань листопада –
Закат.

О, эти небесные ткани
Надёжнее стен крепостных!
То пламя, то холод рывками
Колеблют их –

Но падают в страшную бездну,
Откуда нежданно пришли,
И я замираю безвестно
У края земли:

Ничем ни одну не меняя
Из наших губительных тайн,
Струится, сердца заслоняя,
Прозрачная ткань,

И многое видно за нею –
Не в силах глаза отвести,
Одно повторяю, немея:
Прости...

Маме

Спит в кувшине молоко,
Дочь уснула в колыбели.
Половицы заскрипели...
Оглянулась – никого.

Только дышит глубоко,
Белоснежна как невеста,
Тоненькая занавеска –
И за нею никого.

За окном сплетает сад
Полудённую прохладу,
А по самой кромке сада
Колокольчики звенят.

Кто-то ходит стороной,
Просит птиц угомониться,
На узорчатые листья
Осыпая лёгкий зной.

Пригляделась – никого,
А прислушалась – молитва...
Тихо скрипнула калитка
Где-то очень высоко.

Всё ничего, а позовёшь – не вскинется,
Ресницами тебе не дрогнет встречу
Печальница, молитвенница, схимница,
Спасительница речь.

Не пожалеешь – глянула бы пристальней! –
И смутный век за мимолётный взгляд.
Она стоит у жизни, как у пристани,
Где корабли горят,

Где светит через алое и чёрное
Глубокая морская синева,
Где не спросить: о Господи, о чём же я? –
Слова, слова...

Что видно ей через завесу дымную?
А дале – через тысячи завес?
Но сколько ни живу – живу и думаю:
Мы здесь,

У этой страшной пристани пылающей,
Где пламя с каждым выдохом сильнеей, –
Мы не одни. Мы рядом с ней пока ещё.
Мы здесь, пока мы будем рядом с ней.